Автор: admin
02.11.2010 12:15 -

Аффективно-экзальтированный темперамент

Аффективно-экзальтированный темперамент, когда он по степени выраженности приближается к психопатии, можно было бы назвать темпераментом тревоги и счастья. Это название подчеркивает его близкую связь с психозом тревоги и счастья, который сопровождается резкими колебаниями настроения.

Описываемый темперамент может действительно оказаться ослабленной формой этого заболевания, но такая взаимосвязь не обязательна. В случаях, когда наблюдается чистая аффективная экзальтация, тем более не может быть и речи о патологии.

Аффективно-экзальтированные люди реагируют на жизнь более бурно, чем остальные. Темп нарастания реакций, их внешние проявления отличаются большой интенсивностью. Аффективно-экзальтированные личности одинаково легко приходят в восторг от радостных событий и в отчаяние от печальных. От "страстного ликования до смертельной тоски", говоря словами поэта, у них один шаг. Экзальтация в незначительной мере связана с грубыми, эгоистическими стимулами, гораздо чаще она мотивируется тонкими, альтруистическими побуждениями. Привязанность к близким, друзьям, радость за них, за их удачи могут быть чрезвычайно сильными. Наблюдаются восторженные порывы, не связанные с сугубо личными отношениями. Любовь к музыке, искусству, природе, увлечение спортом, переживания религиозного порядка, поиски мировоззрения - все это способно захватить экзальтированного человека до глубины души.

Другой полюс его реакций - крайняя впечатлительность по поводу печальных фактов. Жалость, сострадание к несчастным людям, к больным животным способна довести такого человека до отчаяния. По поводу легко поправимой неудачи, легкого разочарования, которое другим назавтра уже было бы забыто, экзальтированный человек может испытывать искреннее и глубокое горе. Какую-нибудь рядовую неприятность друга он ощущает болезненнее, чем сам пострадавший. Страх у людей с таким темпераментом обладает, по-видимому, свойством резкого нарастания, поскольку уже при незначительном страхе, охватывающем экзальтированную натуру, заметны физиологические проявления (дрожь, холодный пот), а отсюда и усиление психических реакций.

Тот факт, что экзальтированность связана с тонкими и очень человечными эмоциями, объясняет, почему этим темпераментом особенно часто обладают артистические натуры - художники, поэты. Артистическая одаренность представляет собой нечто в корне иное, чем научные способности в определенной области, например в математике. В чем заключается причина данного явления?

Во-первых, я полагаю, что сама по себе одаренность еще не обеспечивает возможности создания произведения искусства. Такое произведение рождается лишь тогда, когда творец способен к высокому накалу эмоциональных переживаний. Если человек обладает глубоким умом и практическим здравым смыслом, то ничто не помешает ему развивать свои математические, технические или организационные способности. Но при подобной разумной практической установке данное лицо не пишет стихов и не сочиняет музыку, хотя его природных данных хватило бы на это.

Во-вторых, эмоции сами по себе позволяют создавать верное суждение о возникающем произведении, давать ему верную оценку. Уровень науки измеряется ее прикладным значением, ценность же художественного произведения познается лишь по эмоциональному воздействию. Из этого следует, что неотъемлемым свойством поэта или художника прежде всего должна быть эмоциональная возбудимость. Вторым стимулирующим моментом для артистической натуры может быть наличие демонстративных черт характера. Наконец, с третьим моментом мы столкнемся, рассматривая интровертированность.

Конфликты артистических натур с жизнью часто происходят из-за слишком большой чувствительности, "проза" жизни, ее подчас грубые требования им не по плечу.

Например, избыток чувств у Гельдерлина стимулировал его поэтическое творчество, но одновременно не давал приспособиться к повседневным жизненным требованиям. Возможно, его постоянная эмотивная возбудимость носила болезненный характер, так как во второй половине жизни у него развилось тяжелое психическое заболевание (моя работа на данную тему издана в 1964 г.).

Гельдерлин всю жизнь больше страдал, чем испытывал порывы восторженной радости, но это было связано с большими жизненными трудностями, которые ему пришлось испытать из-за чрезмерной чувствительности. К началу душевного заболевания эта исключительная эмотивная возбудимость еще возросла. В письме к В.Ланге он пишет:

"Поверь мне, дорогой! Я боролся до смертельного изнеможения, чтобы сохранить высшую жизнь, в вере и в созерцании, о, да! Я боролся, страдая невыразимо, и полагаю, что мучения мои превышают все, когда-либо испытанное человеком". В подобных жизненных гиперболах мы не только узнаем Гельдерлина, но одновременно получаем представление о силе импульсов, которыми возбудимость питала его поэтическое вдохновение.

Выдающийся немецкий лирик приведен мною как пример. Подобным же образом, хотя, возможно, и не в такой степени, эмотивная возбудимость является базой создания художественных произведений у многих артистических натур. Добавим к этому закономерное стремление художника отразить в своем творчестве то, что его так сильно и глубоко захватывает.

Негативный "полюс" аффективно-экзальтированного темперамента можно наблюдать на следующем примере.

Клаус Э., 1928 г. рожд. Мать - экзальтированная женщина, для которой характерно, с одной стороны, чувство восторженности, с другой - подверженность печальным переживаниям. В детстве Клаус боялся темноты. В темноте ему постоянно казалось, что кто-то стоит за спиной, - он оглядывался и быстро убегал, сердце его бешено колотилось. Это был молчаливый, замкнутый человек, не любивший выступать публично: при этом он терял голос и сильно потел. Клаус Э. не выносил, когда при нем били животных, испытывал при этом "щемящую тоску", но, так как его "душило волнение", не мог произнести ни звука в защиту бедного четвероногого. Его захватывают различные торжественные мероприятия: "Когда исполняются торжественные гимны, я прямо боюсь заплакать, все от растроганности..." Нечто подобное Клаус испытывает и во время посещений театра. Однако сам играть он не может и никогда не мог, у него начинается "сценическая лихорадка" и точно "ком в горле стоит". Он очень любит музыку, нежную, лирическую, подобную "Грезам" Шумана, но и хор из "Летучего голландца" ему нравится. В 25 лет он поступил в вуз, с увлечением занимался 2 года, после чего наступил срыв. Клаус Э. заболел. Мать послала ему значительную сумму на покупку продуктов, но он, поддавшись на уговоры товарищей, растратил все эти деньги на спиртное и устроил пирушку. "Бог мой, да я ведь из самых дружеских чувств, надо же помогать друг другу!" Этот случай послужил началом. Теперь после всяких мелких неудач, часто вызывающих у Клауса сильное угнетение, он все чаще выпивает. По этому поводу к нам и обратилась его мать.

Можно сказать, что в характере данного обследуемого преобладает "готовность к

отчаянию". Уже ребенком он часто находился во власти грустных и тревожных переживаний. Позже он все чаще стал приходить в отчаяние, когда не мог чего-нибудь добиться, часто им овладевал страх. То, что эти колебания были связаны с типичным темпераментом тревоги и счастья, подтверждается умилением Клауса при всяких торжественных мероприятиях: в данном случае это состояние символизирует чувство счастья, а слезы его в этот момент - это слезы счастья.

Поэты и художники часто отличаются экзальтированным темпераментом, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры.

Мартин Р., 1901 г. рожд., поэт-лирик. В 62-летнем возрасте, когда он явился на прием ко мне, он больше занимался переводами стихов с иностранных языков. Р. отличался музыкальными способностями, и стихи свои он скорее воспринимал "как песни". Некоторое время он занимался рекламными плакатами. На всей его жизни лежит отпечаток бурных эмоциональных переживаний и волнений. Р. с детства был увлекающейся натурой, в школе он принимал активное участие в общественной работе. Однажды дело чуть не дошло до школьной забастовки, организованной Р. как протест против одного тщеславного и нетерпимого учителя. Позже увлечения в основном касались музыки, поэзии и красивых женщин. Свою нынешнюю жену Р. патетически обрисовал как "чудо-женщину". Для Р. характерны постоянные колебания между воодушевлением и крайним пессимизмом при пустяковых неудачах. В последнем случае у него появлялись и суицидальные мысли. На встречу с нами Р. пришел угнетенный: почечная колика навела его на мысль о том, что у него рак.

Р. - типичный лирик. В данном случае интересно то, что порывы отчаяния связаны с мыслями о самоубийстве.

Перехожу к характеристике личности художницы, описанной ранее Торсторф.

Аделе Г., 1901 г. рожд., мать имбецильного ребенка, который именно вследствие своего заболевания стал ее любимцем. Она самоотверженно ухаживает за ним.

Г. живет ради больного сына и ради искусства. Она увлекается "всем прекрасным". При первом своем визите (ей было тогда 63 года) она заявила мечтательно: "Писать картины

- величайшая для меня радость. Я не могу не писать их!" Красота природы служила как бы настроем, и ее начинало тянуть к кисти: "Я пишу лишь мотивы, вызывающие внутреннюю радость. У меня потребность излить в красках ощущение счастья, которое дает мне природа. Когда я иду по лугу или по лесу, то чувствую несказанное счастье. И думаю: "Вот это прекрасно, это ты напиши!" Счастья без живописи для меня не существует!" Когда ее спросили, почему она так старается, ведь она никогда своих картин не выставляет, она ответила: "Я не ставлю себе этой цели. С меня достаточно сознания, что я могу нарисовать это..." Интересно и такое ее высказывание: "Когда я вижу цветок, мне хочется проникнуть в его сущность. Вот, например, календула - сколько радости излучают эти лепестки благодаря их желтому сиянию!". Или вот еще: "Трудно нарисовать человеческое лицо. Все хочешь угадать за внешними очертаниями выражение самой души".

Способностью испытывать огромное воодушевление объясняется тот факт, что Г. отдавалась живописи, творчеству с большим вдохновением. Второй полюс представлен у нее трогательной заботой о сыне, глубоким состраданием к этому слабоумному ребенку.

Следующий пример, ранее описанный Зайге.

Мартин Ц., 25 лет, с детства был музыкален, охотно пел. По окончании средней школы стал учеником слесаря. Во время одной радиопередачи у него неожиданно были обнаружены певческие данные. Он стал брать уроки пения, а затем начал выступать с эстрадным оркестром. Поет он на радио и телевидении в развлекательных программах, но мечтает участвовать в ревю и в мюзиклах, так как его интересует не только пение, но и артистическое оформление. Уже и сейчас Ц. пытается сопровождать пение выразительной мимикой, жестами.

Обследуемый характеризует себя как человека весьма темпераментного. Он быстро воодушевляется и в такие минуты чувствует себя "сверхсчастливым". Но так же быстро он может впасть в глубокую меланхолию или в состояние тревоги; в такие моменты он близок к отчаянию. К уравновешенному состоянию он возвращается пол влиянием жены. В общем у Ц. преобладает повышенное настроение, он считает себя оптимистом, от радости готов иногда "на столе танцевать". Ц. нетрудно погрузиться в настроение, которого требует эстрадный номер, и тогда его исполнение получается очень убедительным. Он честолюбив, но справедлив, не злопамятен и не умеет постоять за себя.

Однажды Ц., очень встревоженный, прибежал к зубному врачу, который незадолго до этого поставил ему две коронки. Боли не было, но коронки "безумно мешают"; он не сможет ни петь, ни выступать. Ц. уже видел себя безработным. Врач успокоил Ц., за что тот благодарил его в весьма высокопарном стиле. Через несколько дней певец сообщил, что у него все в порядке.

Глубокая восторженность, связанная у Ц. с профессией эстрадного певца, объясняется его возбудимостью, склонностью к экзальтации. Случай с коронками свидетельствует о лабильности его психики со склонностью к чрезмерной тревоге.

Автор - Карл Леонгард "Акцентуированные личности"